

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава 1

Когда уходит вдохновение

Голубое око компьютера, не мигая, с немим укором смотрело на Семена. В прямом смысле слова, поскольку на странице 52 были набраны всего лишь три верхние строчки, а дальше – голубое, девственно-чистое поле, полная пустота. Экран словно бы взывал немедленно заполнить эту пустоту, и Семен не на шутку начал испытывать угрызения совести. Только этого еще не хватало ко всем прочим нерадостным ощущениям, которые он переживал в последнее время.

А ведь поначалу новая книга пошла так легко! Слово за словом нанизывалось на затейливый изящный сюжет, и он так торопился записать новость откуда появляющиеся фразы, что пальцы иногда промахивались мимо клавиш и приходилось усилием воли осаждать их пруть, чтобы записать все точно и исправить опечатки. Его буквально лихорадило от прилива вдохновения. Мысль неслась вперед, как конь-фаворит на скачках. Пальцы барабанили по клавиатуре без усталости, стараясь угнаться за стремительной мыслью, запечатлеть все ее оттенки. Казалось, этому не будет конца.

И вдруг – облом! До финишной прямой еще писать и писать, а мысль испарилась, исчезла, унеслась неведомо куда, оставив его один на один с голубоглазым электронным чудовищем, которое настойчиво требовало пищи. Источник буйной фантазии Семена неожиданно иссяк. А именно его

стараниями молодая очаровательная женщина загнана в угол, откуда ей нет выхода. А ведь он успел ее полюбить, наделять многими необыкновенными качествами, которыми должна обладать его любимая женщина, и сам же ее и погубил. Теперь она прозябает на задворках его незаконченного романа, а он, этакий Пигмалион-недоучка, не знает, какую долю ей уготовить. Оставить на произвол судьбы? Но тогда нужна неожиданная и эффектная концовка. Или попытаться спасти несчастную и вывести к свету? Но в том-то и беда, что путь ее спасения Семену был неведом.

Он отчетливо понял одно: вдохновение его покинуло. Впервые с тех пор, как он стал писать. Семен знал, что у писателей бывают периоды, когда они часами сидят за столом, мучаясь отсутствием вдохновения. Называется такое состояние творческим застоем или творческим кризисом. Но его до сих пор Бог как-то миловал. Наоборот, Семен буквально фонтанировал идеями, и у него была лишь одна забота — успеть зафиксировать их, облечь в слова, не упустить удачную мысль и все время развивать сюжет.

Семен тяжело вздохнул и открыл толстый ежедневник, подарок брата, с тиснением на синем переплете слова «Volvo». Кто-то из благодарных пациентов, видимо, владелец машины «Вольво», подарил брату эту фирменную тетрадищу. Семен записывал туда свои замыслы, удачные фразы, наброски к будущим своим книгам. Перелистывая страницы, Семен мысленно повторял: «Не то, не то...» Что-то он уже успел использовать, а все остальное для этого сюжета совершенно не годилось. Порыться, что ли, в других тетрадях, которых накопилось немало...

Семен в каком-то тупом оцепенении уставился в окно невидящим взглядом. Голова казалась абсолютно пустой. В животе неожиданно заурчало от голода. Проплыла вялая ничтожная мысль: «Поесть бы...»

Холодильник тоже не порадовал ничем приятным. Нельзя сказать, чтобы он был пуст. Кое-что на его полках име-

лось, но совсем не воодушевляло. Сплошь консервные банки, а это, как говорится, не фонтан. А у мамочки небось в это время на плите стоят кастрюльки и она священнодействует над ними, поскольку любит вкусно поесть и обожает готовить. Вот такое счастливое совпадение, как говорят в надоевшей рекламе, — два в одном.

Семен решительно выключил компьютер и встал из-за стола. Раз уж такая непруха, лучше исполнить сыновний долг и навестить родительское гнездо. Он там не показывался уже неделю. Мама опять пошутит: «На запах пришел?..»

Он провел рукой по щеке — не мешало бы побриться. Бабушка, хоть и подслеповата, всегда замечает, когда он небрит. И выражает свое «фэ» укоризненным взглядом. Иногда и по щеке может легонько хлопнуть. Сугубо в воспитательных целях. Не признает она эту новомодную трехдневную щетину, которой щеголяют стильные мужчины. Особенно ее раздражали публичные люди — артисты, политики, телеведущие, которые, по ее мнению, должны были подавать совсем другой пример, а не демонстрировать свои неухоженные мохнатые рожи, как будто они предстали на всеобщее обозрение после трехдневной беспробудной пьянки. Или не ночевали дома. Что тоже неприлично. Семен-то из опыта знал, что щетина ему идет, женщины посматривали на него с интересом. Да и демократичная мама советовала ему завести бородку — для солидности. А то вид у него какой-то совсем мальчишеский. Это при его-то высоком росте и фигуре вполне зрелого мужчины! Но нарываться на бабушкино пренебрежительное хмыканье почему-то не хотелось. И Семен стал собираться к своим любимым дамам, как на любовное свидание. Он не даст им повода заподозрить, что с ним происходит что-то неладное. Пусть думают, что он по-прежнему энергичен и успешен, как и полагается модному писателю.

У выхода из подъезда он столкнулся с соседом по лестничной клетке — Колькой, мрачным мужиком, который волок на поводке бультерьера. Отвратительная порослячья

рожа пса оскалилась острыми зубами, и Семен в который раз подивился несоответствию свиного рыла и страшных зубов бойцовского пса. В довершение к природному перекосу в создании этой собачьей породы шерсть у бультерьера тоже была по-пороссячи светлой и короткой, как щетина. Сквозь нее просвечивала розовая кожа. Совершенно свиная. Если бы Семен не был воспитан в культурной семье, то непременно плюнул бы вслед этому чудовищу. Чтобы Колька не видел. Тем более что хозяин был под стать своему питомцу — маленькие заплывшие глазки черными сверлящими точками недоверчиво взирают на каждого, кого он встречает на своем пути. Он соседей не любил, хотя это не мешало ему иногда заявляться посреди ночи просить займы. Как раз два дня назад в час ночи позвонил в дверь Семена. Тот через глазок увидел его перекошенную рожу, но дверь все-таки открыл, зная наперед, зачем к нему пожаловал сосед. Колька лыка не вязал и стоял пошатываясь, как будто его штормило.

— Дай тыщу, сосед, менты повязали. Со двора выезжал, двойную линию пересек, в бордюр на той стороне врезался. Блин, еще и бампер отвалился.

— Когда только успел? — удивился Семен, памятуя, что на улице уже глухая ночь. К тому же он подозревал, что в таком состоянии у Николая не получилось бы даже отличить дверцу машины от двери подъезда.

— Щас, минут десять назад, — коротко ответил Колька. — Дам тыщу ментам — отвалят на фиг. Не дам — права отнимут, потом получай их через суд. А мне завтра к Райке на дачу, харчи отвозить.

— А менты где? — Семен перегнулся через перила, с любопытством оглядев два доступных его взору лестничных пролета. Хотелось, чтобы это ночное приключение выглядело поинтереснее — и менты бы стояли на страже порядка с автоматами наперевес, ожидая небольшую награду за проявленную лояльность.

— Машину стерегут, — разочаровал его сосед вялым голо-
сом и шмыгнул носом.

Колька выглядел хуже некуда. Лицо серое, в испарине, дышал он как загнанная лошадь. Его передергивало, коре-
жило, того гляди начнутся судороги. «Как бы не помер на
пороге!» Семен дал соседу денег, чтобы тот откупился от
ментов и поскорее уехал бы на свою дачу. И пса бы увез, мож-
но будет спокойно проходить мимо их квартиры, не рискуя
жизнью.

И сейчас, пропуская соседа и псину, Семен подивился
живучести Кольки. Морда вполне ничего, как всегда, про-
сит кирпича. А ведь позавчера Семен с ним мысленно уже
попрощался... Жалел он только об одном — Колька на даче
никогда надолго не задерживался.

Собачьи зубы щелкнули в пяти миллиметрах от ноги Се-
мена. Колька хмуро поздоровался. Визит к Райке явно не
поднял ему настроения. О деньгах он тоже не вспомнил. Но
Семен особо не беспокоился, деньги сосед всегда возвращал,
хотя и не сразу. Наверное, привыкал к ним и с трудом отры-
вал от себя. Однажды, отдавая очередной долг, он мрачно
изрек:

— Вот так всегда. Берешь чужие, отдаешь свои.

И ни слова благодарности. Но у Семена был принцип —
людям надо помогать. И в ответ на черную неблагодарность
соседа он все-таки продолжал давать ему взаймы.

Мама, как обычно, обрадовалась сыну, расцеловала его в
обе щеки. Из кухни доносился чудный аромат курицы карри.
Мама не так давно научилась готовить курицу по особому ре-
цепту — откровенно говоря, весьма экзотическому. И не спе-
шила осваивать новое блюдо. Никак не могла остановиться,
хотела и дальше совершенствоваться. В последнее время,
по крайней мере в три последних посещения, запах курицы
карри неизменно встречал Семена, когда он еще только под-
ходил к дверям квартиры.

— На запах пришел? — Мама ласково улыбнулась.

— А? Кто пришел? — громко закричала бабушка из своей комнаты и выкатилась встречать младшего внука в сверкающем никелем инвалидном кресле.

Семен поспешил ее обнять, бабушка на мгновение прижалась щекой к его щеке. «Не зря брился...» — подумал внук. На большие сантименты он и не рассчитывал.

— Что за парфюм у тебя? Новый? Я что-то такого не знаю! — сразу учуяла бабушка незнакомый запах.

— «Булгари», мужской вариант.

Семена забавляло, как бабушка, невзирая на свои, мягко говоря, весьма преклонные годы, интересовалась парфюмерными новинками. На ее туалетном столике красовалась целая коллекция изящных бутылочек и пузырьков. Подобная ее страсть к ароматам сильно облегчала проблему подарков к Новому году, Рождеству, дню рождения и женскому дню. Главное, нужно было найти какую-нибудь хитовую новинку, изготовленную парфюмерной промышленностью Франции или Италии. Бабушка отдавала предпочтение именно этим странам. Духи она собирала со страстью, присущей настоящему коллекционеру. И дрожала над своей коллекцией с теми же чувствами. Постоянно протирала пузырьки фланелевой тряпочкой, не допуская даже мысли о том, чтобы доверить кому-нибудь свое богатство. Вот тряпочку вытряхнуть от пыли могла позволить кому угодно, проявляя удивительное легкомыслие. Даже внуку Семену. Хотя он однажды умудрился уронить такую тряпочку, когда рьяно вытряхивал ее в открытую форточку. Переусердствовал. Лоскуток парашютиком плавно спланировал на ветку дерева, да так и остался висеть там, призывно желтея. Бабушка пожурила Семена за небрежность, но особо не огорчилась. Что с него возьмешь, с шалопаю эдакого!

Мама накрыла на стол и положила Семену солидную порцию курицы. Она с удовольствием отметила, какой хороший

аппетит у ее младшенького. Он исправно работал челюстями, иногда они даже пощелкивали.

– Вкусно, мамуля! – спохватился Семен, что забыл восхититься ее стряпней.

– Ешь, сынок, ешь, наедайся. А то на твоих консервах недолго и язву желудка заработать.

Бабушка тоже ела с отменным аппетитом и тоже похрустывая челюстями. Это похрустывание у них было семейным. Зубные врачи из клиники «Дента-плюс» поначалу пугались этой особенности, но и они вскоре попривыкли, когда члены семьи Лодкиных стали их постоянными пациентами.

После обеда завязался непринужденный разговор. Семен вдохновенно врал о своем невиданном творческом подъеме, неожиданных находках в развитии сюжета и удачных деталях, благодаря которым создаваемый им образ героини становится все более живым и совершенным. Говорить о том, что он застрял в самом начале романа, ему не хотелось из суеверия: скажешь вслух – непременно так и будет. А промолчишь – может, еще как-то и образуется.

Бабушка подкрутила колесико слухового аппарата на полную мощность и с интересом слушала внука. Неожиданно она перебила его:

– Ты не очень-то увлекайся этим своим совершенным образом. Прямо ангел какой-то во плоти. Идеальных женщин в природе нет. Пора бы тебе это знать, если ты до сих пор этого не понял, – со значением добавила она. – Впрочем, как нет и идеальных мужчин. Что весьма прискорбно.

Она поджала губы, помолчала, что-то вспоминая, затем продолжила:

– Помню, был у меня один поклонник, еще когда мы жили в Иркутске. Когда мой папа там налаживал новое дело. И вот в меня влюбился богатый китаец, Чжоу его звали. Да, Чжоу... Красивый! – мечтательно протянула она своим слегка дребезжащим голосом. – И ухаживал он тоже красиво. Как ни придет – цветы и конфеты обязательно. В черном

костюмчике, белоснежной рубашечке, галстук — каждый раз новый... Усики тоненькие, глаза сияющие... Прямо восточный принц. Молодой совсем, ему тогда едва двадцать четыре года минуло.

— А тебе тогда сколько лет было, бабуля? — заинтересовался Семен. Как настоящий писатель-профессионал он впитывал в себя все интересное с дальним прицелом, использовать при случае в какой-нибудь будущей книге. Историю о китайском поклоннике бабушки он слышал впервые и тут же навострил уши.

— Пятнадцать лет. Я была такая хорошенькая! — все тем же мечтательным тоном протянула бабушка. — Он все ходил, ходил... Даже с папой уже переговорил, что мечтает на мне жениться, когда я постарше стану. Целый год ходил. Я в него, признаюсь, тоже влюбилась. До чего обаятельный он был, культурный, образованный! И такой хваткий, деловой, его отец собирался ему свое дело передать. И вдруг мне подружка говорит, что видела его в компании с одной женщиной, которая слыла у нас особой весьма легкомысленной. Я не поверила, даже рассорилась с ней. Как оказалось, зря. И вторая подружка его с ней видела, рассказала мне, как та смеялась, заливалась, а он ее нежно под локоток держал.

— А ты что же, бабуля?

— От дома отказала! — гордо встряхнула седыми буклями старушка.

— А вдруг подружки тебе наврали? Из элементарной женской зависти. Твоему счастью позавидовали.

— Семочка, увы, не наврали они. Он сам мне признался, что это его старая... связь. Умолял войти в его положение. Дескать, он взрослый мужчина, а ждать три года, пока папенька наш брак благословит, слишком долго. Раскаивался, чуть не плакал. Просил меня уговорить папеньку свадьбу раньше сыграть. Клялся, что все сделает, чтобы я его простила. Говорил, что только меня одну любит. Но я ему гордо ответила, что после этой ветреной женщины он мне не ну-

жен. А вскоре мы вернулись в Москву. У меня на память от него только фотография осталась. Да-а, память о нем. Мы в Иркутске, это было еще до ссоры с ним, всей семьей решили сняться, к нам фотограф на дом приехал. И Чжоу у нас как раз в гостях был. Все вместе и снялись. Не зря в народе говорят, что до свадьбы нельзя сниматься вместе, к разлуке это... — вспомнила бабуля народное поверье и пригорюнилась.

— Бабуль, покажи мне фотографию, — оживился Семен. — Я что-то такой не помню.

Бабушкин рассказ о ее первой любви показался ему очень интересным. А экзотический жених, сын китайского промышленника, и вовсе просился хоть на какую-нибудь эпизодическую роль в книгу.

— Неужели тебе это интересно, Семочка? — Бабушке было приятно, что внука увлекла ее история из далекого прошлого. — Тогда иди в мою комнату, там в шкафчике, в нижнем ящичке, стоит резная коробочка, в ней и лежит фотография Чжоу. Я ее никогда в альбоме с остальными фотографиями не держала, вот ты ее и не видел. Обиделась я тогда на него очень. А потом переживала долго, тосковала.

Со старинной фотографии, наклеенной на толстый картон, на Семена взирали лица людей, живших в прошлом веке. Он отметил, что они очень отличались от современных какой-то чистотой и открытостью взгляда. Он всматривался в лицо бабушки — барышни с пышными локонами и огромными ясными глазами. Ее пухлые девичьи губы слегка тронула лукавая улыбка. Молодой красивый китаец стоял рядом, тоненькие усики, несомненно, украшали его. Чуть припухлые веки и характерные узкие глаза выдавали его восточное происхождение. Но в целом лицо было не столь ярко выраженного восточного вида.

— Любопытно... Видно, что китаец, но может сойти и за европейца, — задумчиво произнес Семен, в некотором недоумении изучая фотографию. Припухлость век, широковатые

скулы... Кого-то ему это лицо напоминает. Но кого? Он так и не смог определить. И это его смущало. Пока он не мог понять, почему.

— Он же полукровка! У Чжоу — отец китаец, но мать-то русская, дочь известного купца, который пушниной промышлял. Фамилию его я уже запомнила. Поэтому, если бы не разрез глаз, его можно было бы принять и за русского. У него и воспитание европейское, — почему-то вздохнула бабушка.

— Бабуль, не грусти! — решил подбодрить ее внук. — У всех бывает первая любовь. И что-то я не слышал, чтобы она оказалась единственной и последней. А если подумать, то почему-то она чаще всего бывает с драматическим финалом.

— И у меня первая любовь тоже закончилась драматично, — подала голос мама.

— Это ты Илью вспомнила? — уточнила бабушка.

— Мамочка, какой Илья? О чем ты говоришь! Я его никогда не любила.

— А почему же рыдала, когда я однажды не отпустила тебя к нему на свидание? Когда ты двойку получила по истории, помнишь?

— Про двойку не помню. А что ты меня не пустила, помню. А рыдала не от любви, а от обиды. Потому что ты тогда ущемляла мою свободу, — обиженно ответила злопамятная дочь-пенсионерка.

— Доченька, что ты такое говоришь?! — всплеснула руками бабушка. — Когда это я тебя ущемляла?

Семен уже от души хохотал, слушая перепалку девяностолетней бабушки и ее семидесятилетней дочери, которые вспоминали события полувековой давности с одинаковой обидой.

— Мамуля, ты лучше поведай нам о той давней драматической любви, чем перечить своей матушке, — наконец попытался он успокоить своих женщин.

Мама тут же переключилась на сына. Слава богу, у нее был легкий характер и она не умела долго заикливаться на чем-то неприятном.

— На самом деле я была влюблена не в Илью, — она метнула обиженный взгляд на бабушку, — а в мальчика Вадика Гелецкого, он в десятом классе учился, а я в девятом. Такой красивый мальчик был, все девочки по нему сохли. Высокий, стройный, лицо смуглое, глаза большие, карие, брови дугой... — начала она описывать красоту своей первой любви. — А он за мной стал ухаживать.

— Еще бы, — не удержалась бабушка, — ты была самой красивой девочкой в школе.

— Нет, — скромно потупила глазки мама, — Вика Соколова была самой красивой. В общем, стали мы с Вадиком дружить. В кино вместе ходили, на танцы, в парке за ручку гуляли.

— Целовались? — деловито поинтересовался сын. История маминой любви показалась ему пресноватой, хотелось добавить в нее немного страсти.

— Ты что, сынок? Какие еще поцелуи? Мы всего три месяца встречались.

— Ты серьезно, ма? Три месяца тебе кажется недостаточным сроком для более близких отношений?

— Семочка, что ты говоришь? — опять всплеснула руками бабушка. — Это же безнравственно! Ей тогда едва минуло пятнадцать, она еще школьницей была, ребенком! Это тебе не нынешнее ужасное время, когда на улице молодежь целуется прямо у всех на глазах.

— Дайте мне рассказать, — обиделась на них мама.

— Извини, мамуля, — встрепенулся Семен, — я просто пока не вижу ничего драматического в твоей истории.

— Я его бросила, вот тебе и драма.

— А за что?

— Да мы с ним все эти три месяца ругались почти на каждом свидании, — махнула рукой мама.

— Правда, что ли? Что-то на тебя это не похоже, — удивился сын.

— Да я и сама не знаю, с чего это мы с ним ссорились каждый раз? То он мои новые босоножки обругал. Помнишь, мамочка, такие плетеные — синие с белым? То часы забрал поносить на два дня, а взамен свои подсунул, неработающие. Говорит: «Смотри, какая красивая картинка на циферблате. Ну и что, что не работают? Зато ни у кого таких нет...» Потом мои часики, правда, вернул. То ему мои губы не нравились — говорил, что у меня вид надутый, нижнюю губу оттопыриваю. То глаза у меня слишком большие, чего это я таращусь на всех подряд. И почему булку на улице ем — неприлично жевать у всех на виду. А я голодная была, булку себе купила.

— Бедняжка, как ты все эти придирки выдерживала?

— Говорю — красивый был, любила я его.

— Ну и когда же твое терпение лопнуло?

— Да когда через три месяца он вдруг вздумал меня поцеловать. Я так возмущилась! Думаю — вот бабник! Гуляем всего-то ничего, а он такой развратный тип, с поцелуем уже лезет. И ушла от него. Сначала когда он со своим поцелуем полез, я его сильно толкнула. Он так и свалился со скамейки. Я расхохоталась и убежала. Правда, потом плакала, жалко его было. Но уж все — бросила, так бросила. — Мама помолчала, перенеслась мыслями в свою далекую счастливую юность. — И за что я его только любила? — спросила она себя с недоумением.

— А я тебе говорила, — назидательно произнесла бабушка, — не стоит он твоей любви. Будешь вспоминать когда-нибудь и удивляться сама себе.

Семен опять расхохотался, потому как бабушка не упускала случая повоспитывать свою престарелую дочурку и припоминала все ее малейшие промашки. Память у нее была превосходная. Она помнила не только ошибки молодости своей дочери, но и всех ее кавалеров по именам и годам.